

Война пошлин и европейское время

Понятие *экономической войны* всегда было частью нашей революционной теории империализма. Ленин писал, что в противостоянии между центрами империализма чередуются и сочетаются *формы борьбы*, но не её суть, заключающаяся в *разделе мира*. Этот раздел происходит по силе, которая меняется в зависимости «от экономического и политического развития». Для того чтобы понять суть империалистической борьбы, «*надо знать, какие вопросы решаются изменениями силы, а есть ли это – изменения “чисто” экономические или внеэкономические (например, военные), это вопрос второстепенный*»¹.

Так называемый «*День освобождения*», провозглашённый Дональдом Трампом из “Розового сада” Белого дома 2 апреля, стал своего рода *объявлением экономической войны*.

Торговая война, или *война пошлин*, – наиболее распространённая формулировка. *Война капиталов* или *финансовая война* – уже объявленная или пока только угрожающая в перспективе – стала предметом обсуждения после резкого разворота в политике Трампа, вызванного появлением напряжённости вокруг казначейских облигаций США – инструмента, с помощью которого Вашингтон финансирует свой государственный долг. Японские источники рискнули назвать её «*тринадцатичасовой войной*», подчеркнув стремительность, с которой указы Трампа спровоцировали реакцию финансовых рынков.

Термин “*трампистский шок*”, появившийся в некоторых комментариях, отсылает нас к “*никсоновскому шоку*” 1971 года – моменту, когда президент США разорвал Бреттон-Вудские соглашения о конвертируемости доллара и ввёл временные 10-процентные тарифы, чтобы заставить другие державы переоценить свои валюты. *Шок Никсона* и *шок Трампа* представляют собой два кризисных эпизода с разной спецификой, но общей сутью: в обоих случаях мы видим резкую, одностороннюю реакцию на этапы *относительного упадка* США.

Ряд тезисов, всплывших в связи с текущим сражением, заставляют вспомнить и о других формулах. Концепция *войны по выбору* американской администрации почти прямо следует из аргументации Росса Даутэта, консервативного обозревателя *New York Times*. Белый дом сознательно идёт на упреждающую «*дестабилизацию*», нарушение соглашений и институтов, регулирующих глобальные экономические отношения – пока позиции США ещё не ослабли окончательно. Можно сказать, что на фронте *экономической войны* это – проявление той самой “*ловушки Фукидида*”, о которой так много говорили в последние годы применительно к отношениям между угасающим Вашингтоном и набирающим силу Пекином: США якобы решили нанести удар сейчас, пока баланс сил ещё не окончательно изменился не в их пользу.

Такое понимание, в сочетании с концепцией “*войны за время*”, позволяет провести аналогию с предыдущей *войной по выбору* – военным конфликтом, начатым в 2003 году Джорджем Бушем в Персидском заливе, когда Штаты безуспешно попытались пресечь китайское влияние в регионе.

Фактор *времени* вновь выходит на первый план в понятии *блицкрига*, предложенном гонконгской *South China Morning Post*: Трампу нужны быстрые победы, он не может позволить себе *войну на истощение*. В других интерпретациях противостояние между Китаем и США сводится к вопросу о том, чья экономическая система дольше выдержит напряжение. Ситуация вокруг американских казначейских облигаций продемонстрировала, что именно долг является ахиллесовой пятой внутреннего бюджетного компромисса в США: он настолько зависит от непрерывного и массивного притока зарубежного капитала, что любое его прерывание может быть фатальным. Китай же не спешит соглашаться на переговоры именно потому, что, по его оценке, хаотичная неразбериха в Вашингтоне только обнажает эту структурную уязвимость Штатов.

Тема *войны на два фронта*, в смысле невозможности для США одновременно поддерживать *две войны* – на европейском и азиатском фронтах, – проявляется в интерпретациях, пытающихся найти рациональное зерно в действиях Трампа: якобы он стремится через уговоры или угрозы найти компромисс с Европой, чтобы получить её в союзники против Китая. К этой точке зрения примыкают и версии, согласно которым ЕС хотел бы иметь возможность использовать свои рычаги влияния, играя на своём авторитете, чтобы пересмотреть как союз с Вашингтоном, так и отношения с Пекином.

Наконец, *Le Monde* и *Financial Times* используют образ *тумана войны* Карла фон Клаузевица, чтобы описать всю сложность оценки череды противоречивых наступлений и отступлений США на фоне заявлений президента, увязшего в нелепом бахвальстве собственной силой, в то время как его слабость становится всё очевиднее. *Wall Street Journal* идёт ещё дальше и предрекает Трампу «*момент Миттерана*», имея в виду резкую смену курса, к которой президент Франции был вынужден прибегнуть: после победы на выборах в мае 1981 года с *кейнсианской* программой расширения расходов, уже в марте 1983 года он перешёл к плану жёсткой экономии, чтобы сохранить Францию в европейской валютной системе.

В условиях *тумана войны* возможны лишь предварительные соображения. Первое – это то, что вопрос об *относительном американском упадке*, вплоть до состояния *хрупкости*, вызванной задолженностью, неизбежно становится доминирующей темой кризиса. Второе – это то, что для Европейского Союза, наряду с ускорением перевооружения, открывается пространство для политики *атлантической многовекторности*. То есть речь идёт не о Европе как *третьей силе*, свободной от любых альянсов, – этот сценарий не вызывает консенсуса среди 27 стран-членов ЕС и даже не входит в повестку Парижа, – а о ЕС, который наряду с паритетными отношениями с США выстраивает разнонаправленные связи с другими державами и регионами: с Китаем, но также с Индией, Японией и зоной Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТПП), АСЕАН и Меркосур. Это могло бы действовать против американской односторонности, и в то же время уравнивать китайское влияние. Чтобы в этот курс вписалось и российское направление – как это было в случае с *почти альянсом* между Берлином и Москвой на основе газопроводов, – необходимо решить двойную стратегическую головоломку. Перевооружение Европы должно гарантировать безопасность стран Северной и Восточной Европы – Балтики, Польши и других государств, чьё тяготение к атлантизму обусловлено антироссийскими настроениями. Однако такое изменение баланса сил вызовет ответную реакцию Москвы. В новых условиях *трансатлантической взаимности* США пришлось бы смириться с некоторым сближением ЕС и России. Но Вашингтон, согласно своей стратегической догме, всегда выступал против такого сценария. Тем не менее, факт остаётся фактом: на фоне возможного урегулирования на Украине французские и немецкие промышленные группы уже обсуждают идею возрождения *энергетического Рапалло*, пусть и в урезанном виде – 70 миллиардов кубометров газа в год вместо 150 миллиардов довоенных потоков.

Третье соображение касается Японии, где реакция на объявленную Трампом *экономическую войну* оказалась особенно острой и болезненной. Здесь имеет значение отсутствие континентального масштаба: Япония является «*островным государством*» с ограниченными природными ресурсами, как отмечает бывший премьер Фумио Кисида, действующий по поручению Сигэру Исибы. В отличие от США, Европы и Китая, у неё нет опоры на «*большой внутренний рынок*», поэтому сохранение многостороннего порядка для неё – это вопрос выживания. Отсюда – стремление к сближению со странами Индо-Тихоокеанского региона и с ЕС, вера в то, что Япония может быть «*балансирующей силой между США и Китаем*», и что она способна обуздать Вашингтон, вселив в него сомнения: вдруг «*США могут проиграть*» в противостоянии с глобальной коалицией сторонников свободной торговли. Эта линия перекликается с позицией Урсулы фон дер Ляйен.

Не настолько уверен в этом Куни Мияке, бывший советник Синдзо Абэ и самого Кисиды: он предлагает куда более мрачную интерпретацию интуитивных шагов Трампа. По его мнению, это попытка повернуть вспять промышленный упадок, подрывающий способность США к военному сдерживанию Китая. В данном случае *торговая война*, хотя и «*опрометчивая*» с точки зрения риска ответной *финансовой войны*, пожалуй, может быть понята как «*интуитивный*» переход к *промышленной войне* – в защиту возможностей сдерживания в *настоящей войне*. Глобальный хаос не входит в намерения Трампа, но он будет «*результатом отчаянных усилий*» по подготовке к такому сценарию.

Таким образом, круг *форм борьбы* за империалистический раздел замыкается. В какой бы форме она ни продолжалась, *война пошлн* уже стала частью *войн кризиса порядка*.

Апрель 2025 г.